

A dark blue space background with a large planet on the right, a smaller planet below it, and a ringed planet at the bottom right. Three horizontal lines with arrowheads are positioned between the top and middle planets.

Юз
Алешковский

Николай
Николаевич

(апгрейд)

Юз Алешковский Николай Николаевич

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190421

ISBN 9785447438128

Аннотация

...Случайно под банковской возникший в уме анекдот превратился в повесть, в новеллу, в лирическую фантазмагорию, что соответственно придало многому, считавшемуся низким – качества возвышенного, иронического и романтического, причем в то время, когда свободная словесность корчилась на дыбах цензуры и двух мертвословных сестер-садисток – идеологии и фразеологии...

Содержание

Опыты на герое	7
Николай Николаевич	14
1	14
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Николаевич (апгрейд)

Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Николай Николаевич» Юза Алешковского – это бестселлер. Тиражируемая, продаваемая, популярная книга

Но иностранное это слово не передаёт ещё одного, важнейшего свойства, особенности бестселлеров, которые рождались в Советском Союзе. Это – переписывание литературных произведений от руки, их распространение кустарным способом – в туманных копиях пишущей машинки, в страницах, перепачканных угольной пылью ксерокса...

Советский бестселлер – это, прежде всего – произведение, свободное от цензуры. Которое, как в знаменитом романе Брэдбери, запоминали наизусть и пересказывали друг другу, когда не было счастливой возможности прочитать, хотя бы десятую, истрёпанную копию легендарного оригинала

И, если стать членом Советского Союза писателей было относительно несложно, (их, теперь почти забытых, было около десяти тысяч), то авторами «самодельных», «рукотворных» русских бестселлеров становились лишь единицы,

писатели истинные, отмеченные печатью Бога...

«Николай Николаевич» Алешковского переписывался, перепечатывался и пересказывался. Андрей Битов назвал его «памятником литературы»

Да, ещё и «памятник»

Не всякий бестселлер становится памятником

Больше сорока лет прошли с тех пор, как в радостном вдохновении был написан и разошёлся по всему русскоязычному пространству знаменитый роман Алешковского. При перечисленных выше способах распространения рукописи нетрудно представить, сколько случалось описок, опечаток и просто домысливаний целых абзацев

И сейчас в Интернете можно встретить «Кизма» вместо «Кимза» и прочие огрехи, опечатки, на которые не всякий читатель обращает внимание. Но на них обращал внимание автор, которого, как мастера слова, уязвляло такое состояние любимого детища

Кроме того, по прошествии многих лет и сам автор изменился

И то, что когда-то в далёкой молодости, казалось ему замечательным и почти совершенным, уже резало глаз

От прежнего «Николая Николаевича» остались «только память о весельи былого вдохновения, да и радость похожая на счастье...»

Бестселлер нуждался в доработке. Ему требовался апгрейд

Весной 2014 года Юз Алешковский закончил работу над новой редакцией произведения, сопроводив замечанием: «механик собою доволен, перебрав мотор и заменив кольца цилиндров»

Вниманию поклонников «Николая Николаевича» представляется этот единственно правильный и окончательный вариант романа: «Николай Николаевич» (апгрейд)

Александр Дунаенко.

Опыты на герое

Не знаю, есть ли в истории литературы еще такой случай. Да, конечно, многие классики по 20 лет мурыжили свои сочинения. Переписывали, дописывали, шлифовали, полировали. Мне лично в принципе непонятен такого рода писательский труд – замысел, поиск выразительных средств (а-у-у!), трудности с реализацией задуманного и прочая. Зато легко могу себе представить, что некто способен накатать полифонический роман в кратчайшие сроки, следуя при этом некоему своему особому состоянию мыслей и чувств, не чуя, так сказать, рук и ног, несясь лихорадочно вместе со своими героями по волнам судьбы – так, как будто за ним гонится черт. Еще легче представить себе возможность создания короткого произведения – на одном дыхании и «продиктованного свыше».

Но вот такой случай – казус нового «Николая Николаевича» – мне кажется явлением в литературе исключительным. Переписано автором блестящее, стопроцентно состоявшееся произведение, изданное на многих языках, имевшее огромный успех, для многих – главное произведение автора. Произведение, в котором он впервые предъявил читателям свой неповторимый стиль повествования и мышления, свой метод, свою философию жизни и одного из самых дорогих его сердцу героев. Монолог-исповедь бывшего вора-кар-

манника Николая Николаевича, по страсти и по стилю потрясает с первых фраз. В этом мини-романе Юз впервые заговорил своим неповторимым языком, а читатель впервые окунулся в эту стихию свободы слова не только в политическом, а в методологическом и даже метафизическом смысле. Именно язык, как написал в свое время Бродский, оказывается не инструментом, а главным героем прозы Алешковского. Живой, богатый, новаторский, невероятно емкий язык. Повествование обладает чарующим свойством шедевра – невероятной скоростью, головокружительными перескоками с одного пика победы над невыразимостью экзистенциальной тоски или абсурдности жизни – на безымянную высоту, отбитую здравым смыслом у коллективного бестолкового.

Особого внимания заслуживает возрождение Алешковским похороненной под грубыми и уродливыми крокодиловыми памфлетами и хамскими карикатурами, характерными для сатиры и юмора советского периода – традиции русского «смеха сквозь слезы». Юзово остроумие и его редкостная сердобольность в так называемый «дописьменный период» его творчества оттачивались в невероятной точности словоупотребления при сочинении им песен и расцветали в подлинных перлах его гениальных афоризмов. НН оказался первым в череде потрясающих основы соцреализма и соцпоцмодернизма – неподцензурных и нецензурных памятников литературы русского застоя. Так же, как и в ерофеевском

шедевре, в НН и автору, и читателю – «и больно, и смешно», смех и восторг – самая лучшая форма для усвоения горестного содержания. Осмеяние – лучший способ борьбы со злом, целительный для тела и очистительный для души.

С годами стало очевидно, что, несмотря на многотомное и блестящее творчество Алешковского «за отчетный период», т.е. от НН-1 и до настоящего времени – НН продолжает жить в Юзовом сознании. Он персистирует, как возбудитель хронического заболевания. Он часть Юзова существа. Юз верит в НН. Доверяет его воображаемой реакции на бытие. В свое время он добыл НН из очень глубоких слоев безвоздушного пространства советского инобытия, как некое очень полезное ископаемое, а потому обновить роман – значит – добыть реакции НН на новые вызовы безбожной комедии нашей жизни. В девственной, но здоровой башке НН постоянно осуществляется синтез. Каша в его голове – это то, что получается от совместного бурления навязываемых советской пропагандой штампов, кулуарных разговоров в полуподпольной лаборатории, уроков мудрости жизни от старшего товарища – международного урки, литературы, прочитанной в процессе дрочки на благо науки (НН – донор спермы для новаторских экспериментов подпольных советских генетиков) и его собственного природного нравственного чутья. И потому особенно велик соблазн пустить НН по новому кругу бытия в небытии. Юзу интересно, а читателю полезно узнать, как и куда он поместит то или иное со-

бытие, ту или иную информацию – в свою здраво мудацкую иерархию ценностей. Уже в многотомнике, изданном в России, Юз чуть-чуть дописал НН, уже двадцать с лишним лет назад НН стал ему мал. И вот теперь – нет, Юз не замахнулся на НН-2, на НН в иной исторической эпохе. Он просто фантастическим образом пропустил в прежние обстоятельства места и времени – новые знания. НН прошел краткий курс повышения квалификации, а Юз предъявил нам свое, авторское новое прочтение. Прочтение удалось запечатлеть то ли поверх, то ли рука об руку с исходным образом. Юз продемонстрировал нам результат интереснейшего эксперимента – литературный герой оказался матрицей, подходящей для многоразовой процедуры осмысления и преодоления бытия.

Николай Николаевич – архетип. Как и Дон Кихот, над которым он сам плакал три недели вместо того, чтобы ударно драть на благо научных дерзаний. Его адаптационные способности безграничны, но при этом в нем нет ни тени вульгарного приспособленчества. Он органически неспособен ссучиться. Расширение его возможностей никак не сопряжено с падением. Ему, так или иначе, присуща НОРМА, с высоты которой он брезгует, не доверяет, сторонится, сочувствует или, как в случае Влады Юрьевны – благоговееет перед тайной совершенства.

Исходный НН потряс в свое время, кроме всего прочего – невероятной скоростью авторской мысли. Фразы были

короткие и при этом невероятно емкие. Между словами зияли и сияли бездны сжатого смысла.

Теперь Юз создал «расширения». Прикоснувшись своей рукой к этому произведению снова, он словно на интерактивном экране добывает новый урожай – уточнение и размножение смыслов. НН остается самим собой. Он – матрица. Здоровое начало. Человек, который звучит гордо, даже будучи использованным в качестве подопытного существа наукой, советской властью, властью тьмы и волей автора. В расширенном варианте НН в еще большей степени представляется собирательным образом здравомыслящего не окончательно испорченного всенародного доброго молодца, который через все завалы советского экзистенциального бреда, похоже, все-таки выбирается на сушу труднодоступного пайка нормального существования на свете – прочь от коллективного безумия, прочь даже от взрастивших его интеллект ученых, которые по грустному признанию старичка Академика, тоже заняты суходрочкой, прочь – в тихую гавань любви и мирного созидания. (Не так же ли поступил и сам автор, когда свалил, по существу, не в Америку, а в частную жизнь, продлив ее в дали от суетной молвы – на радость себе, семье, читателям и друзьям?)

Забавно, но, похоже, Юз сам заразился от героев своей книжки, экспериментировавших на сперме Николая Николаевича с помощью прибора ИМ-1 (искусственная матка), и его неудержимо тянет экспериментировать на феноме-

не Николая Николаевича, как например, на приборе НН-1. И трудно с ним не согласиться! Это и вправду интересно и бесполезно.

После временного якобы повзрсления человечества мы сейчас как будто бы опять становимся свидетелями и участниками, и жертвами, конечно, ситуации, когда ничто, никакие знания-образования-умения не помогут и только нравственное чутье, звериная врожденная благонамеренность смогут или не смогут уберечь нас от гибели.

А вот Николай Николаевич слинял-таки от навязанного ему способа существования белковых тел – у него лично, а не под руководством партии, правительства, науки или даже Влады Юрьевны, – у него лично стоит теперь на дореволюционную книгу «Как самому починить обувь»! Это очень важный момент. Несмотря на все льготы хрущевско-брежневской тотальной дрочки НН выбирает для себя скромное созидание. Нет, не свершения и не замашка на прежде небывалое – починка уже имеющегося и обидно подразвалившегося. Господь создал прекрасный мир. С тех пор он только портится и уже изрядно преуспел в этом. Его надо починять, желательно своими руками. Николай Николаевич не только перестал воровать, не впрягается в ярмо рабского труда – он даже перестал дрочить в прямом и переносном смысле, он пошел дальше интеллигенции по пути избавления от иллюзий дьявольской мании величия. Он становится человеком, который намерен звучать ГОРДО и при том – НЕФАЛЬШИ-

ВО.

Ольга Шамборант

Николай Николаевич лирическая фантасмагория

Ирине Розенталь-Никифоровой, Алеше, Ольге Шамборант, Андриюше Битову и моей, в те дни рожденной Музе – на память о поддачах, комарах, свежей треске, землянике, дивных дюнах Рижского взморья.

1

Вот послушай. Я уж знаю: скучно не будет. А если заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни хуя не петришь в биологии молекулярной, заодно уж и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, прибораклен, усами пошевеливаю, как кот, словивший мышь, «Волга» бегаёт, хата, заметь, кооперативная, а жена – скоро кандидат наук, главное, любовь ведь свыше нам дана, замена счастью она, примерно так сказал тот же Пушкин. Жена, в натуре, загадка – не менее, а если более, то тайна природы. Этот самый сфинкс с отбитым носом, который в Египте – я короткометражку видел, – говно по сравнению с ней. В нем, кроме памятника, и рассказывать-то нечего, если разобраться. Ну о жене речь впереди. Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интел-

лигентней, и шнифты не разбегаются, как у зайца. Закуси-вай, а то совсем окосеешь и еще лет триста умом Россию не поймешь... я тоже, как видишь, совершенно ее не пони-маю, но все-таки закусываю.

Короче говоря, после войны освобожден я девятнадцати лет, образование – от звонка до звонка – культурные трех-летние беседы с различными врагами народа, замечательно умными русскими, евреями, литовцами, чеченами, немцами и прочими равноправно посаженными членами дружбы на-родов. Тетка меня в Москве прописала: ее начальник пас-портного стола ебал прямо на полу в кабинете. И месяц я нигде не работал. Не хотел. Куропчил потихоньку на садке, причем без партнеров, даже пропаль перепулить быю неко-му. Артистом называли щипачества, легендой такого вот артистизма. Если б Сталинскую премию за него давали... впрочем, хули пороть утопию? Видишь пальцы? Ебаться на-до Ойстраху – мои длинней. И, между нами, чуял я этими пальцами, что за цвета у купюры в лопатниках или просто в карманах. А сколько в Москве залетных щипачей, но пар-чушек, которые за рубль горят или за пару билетов на футбол со Спартаком? Тучи! Тянут лопатник и тянут, сохатые, как дедка репку, вытянуть не могут, потеют, на цырлах баланси-руют, потом вы-тя-ги-ва-ют, тут их – за жопу и в конверт. У нас в стране, чтоб ты знал, не считается, сколько спиздил, главное – не воровать.

Как, спрашиваешь, однажды я сторел?.. нет, не жадность, сука, погубила – собственный волонтаризм подвел, моего хуидола... дело прошлое, одна цыганка мне гадала – мы с ней кувыркались-клоунадили за кулисами театра Ромен. остерегайся, мой хороший, автобусов... не внял я, позорник, не внял... была в том проклятом автобусе полезная давка... я заподлицо прижался к тендеру одной охуительно аппетитной дамочки... в сумочке бабки нащупал, вытянул, перепулил их за отворот ботинка, работаю, блядь, как Игорь Кио – хрен уследишь, где фокус, где фикус, то есть накось выкуси, Петровка 38... и вот тут, надо же, они, сволочь, изволили, видите ли, заторчать... плевать данному органу – одна из его кликух, Шершавый – на чувство реальной, как дважды два, опасности и наоборот... это не одно и тоже – научись размышлять, скептик ты ебаный... он себе тупо упирается, как ишак у Хаджи Насредина... куда, блядь, куда?.. ну хули ты пристал?.. я же позади нее стою, а ведь у любого, как известно, хуирода заместо трезвого ума – лишь инстинкт самовставания тогда, когда залупой вниз болтаться надо... скажу тебе так: ни в истории, ни в географии природы – ни малейшего не будет порядка, пока они, хуидолы и хуироды всего человечества, не начнут вставать вовремя, как, допустим, у собак, котов, тех же ишаков, слонов, моржей и других млекопитающих... проблема-то в том, что демография у народа вшивовата, вот, кирюха, в чем дело, тогда как самой ебли

на душу населения намного больше, чем дальнейшей нужды в быстрейшем укреплении породистого генотипа нашей популяции – иначе нам пиздец... вот тебе и а-а-а!.. я и сам такой: всю дорогу завожусь с полоборота, но это уже профессия... как видишь, являюсь не только инструктором-мастурбатором высшего разряда, но и испытателем не хуже самого Коккинаки... я даже сейчас, вроде тебя, тахикардирую, как у окошка женской бани, давление скачет, прерывается дыхание... это злобучая либедуха загуляла по буфету – это она... если хочешь знать, мы, козлы, попривыкали ее использовать все больше ради кайфа ебли, а не заветного распоряжения, общеизвестно Кого именно, насчет плодитесь и размножайтесь, так как ебля это вам не игрушка... позже узнаешь, что это за звери – либедуха и Эрос, промеж ног который у тебя вырос вместо умственного развития обоих полушарий того же не обученного мозга... автобус, значит, пыхтит, мой, еще раз подчеркиваю, тупо упирается в самую что ни на есть святую для каждого существа женского человекопола позицию... еще пяток секунд, и он, как бывало, кончил бы в трусики – плевать ему на них, не он стирается... но, как и было мне цыганкою нагадано, судьба распорядилась по-своему, так как, в ее глазах, любой шершавый – пшик, зола, ничто... чудесная дама завопила на весь автобус, прямо в член моих мудей вцепилась, я остолбенел... чехты, горю с поличным, хотя потом уверял я следака, что чьи-то бабки мне в ботинок нарочно перепулил какой-то жулик в форме капитана МВД,

которого немедленно надо бы отыскать, поймать и обезвредить... бесполезняк – все такое нашему следствию похую, не в Америке находимся... но вот какое странное дело: точно такого, как я напророчил, щипача, в офицерской форме, отловили с поличным через пару дней, а меня тут же разогнали... теперь до конца срока жизни – хуй вот я еще разок в автобус сяду... лучше поползу по мостовой, скажем, в бар, чем сесть в коварный этот вид транспорта.

Ну ладно, куропчу себе помаленьку. Маршрут троллейбуса «Букашка» освоил и трамвая «Аннушка». Ксивы разные, заметь, не брал. А если попадались, я их по почте отсылал или в стол находок перепуливал – надо все ж таки совесть иметь. Был при бабках. Очень изводила, в тесноте, близость девичьих и женских даров природы. Иногда, на всякий случай, подвязывал шершавого косынкой к ляжке, чтоб в давке не осатаневал, грешный дьявол преисподней.

А у метро «Кировская» процветала ярмарка девчонок и бабенок, домработниц. Эти трясогузки летали стаями в столицу, так как хули им было толку от вшивых колхозных трудодней. Наебешься, бывало, с двумя-тремя ночью, в Нескучном, так, что колени подгибаются, как у новорожденного телка. Один раз ебанулся в обморок, девки ужаснулись, сбегали за «скорой», санитары увезли меня на носилках во Вторую Градскую – почти не дышал, порол ка-

кую-то хуйню, так что запомни: подбалденный переерб на-много вредней трезвого недоеба... да, да, переерб – нечто вроде заворота кишок и болезни Приапа... Приап был царем, кричал от боли, поскольку хер его моржовый, то есть авторитетный, в древнем мире, член, вообще никогда не ложился... согласен, частично поэтому пиздец и надвинулся на всю древнюю Грецию – от нее остались только боги, их резиденция в горах, остров Лесбос и Олимпиадное движение спортсменов к финишам различных стартов. Не спасибой – не следует кирюх благодарить за соль, лекарства, спасение от смерти и за уроки истории – это хуевая примета. Я уж собирался поджениться на дочке теневика-миллионера, но она была тупа, некрасива, лопала много конфет, даже не помогало устрашение, что жопа слипнется от бесконтрольного такого пережора сладостей. Мне это обрыдло. Честно говоря, свобода всех телодвижений личности дороже трехразового питания и полового отъебона, причем, безо всякой любви. Потому что только любовь к одной во всей Вселенной даме сердца чудесно сдерживает свободу распутных, как это бывает, телодвижений – вот почему, и хватит, я сказал, кончай почемукать!.. Вдруг тетка говорит:

– Сосед тебя, Луку Мудищева сраного, в институт к себе берет. Лаборантом будешь. Все одно – погоришь. Гуталин велел политбюро разделить твоё ворье на сук и блатных, чтоб, как с тифом и другим геморроем, жестоко и навсегда

покончить с преступным миром. Это не параша: у моего любовника брат на Лубянке шпионов мышеловит – он все знает прямо от Берии, с которым на вась-вась. С чем-чем, а с садизмом прокурорской власти у нас не заржавеет. Я перебздел. Везло мне что-то очень долго. Специальность получить хотелось, но работать не любил. Не могу – и все. Хоть убей. На зоне кто не работает, тот не ест, а кто мантулит и, как лошадь, упирается, тот вообще – дистрофик, доходяга, долго не живет. Отучили людей мантулить по-совести, особенно, в лагерях. Кроме того, воровка никогда не станет прачкой, а урка не подставит свою грудь. Пришлось идти в институт к соседу, потому что примета есть такая: перебздел, значит, вот-вот погоришь. И в натуре, замечаю в трамвае, как и в троллейбусе, топтунов в штатском, у них в карманах «несчастья», в шнифтах жестокий блеск.

С соседом этим, в институте который, мы по утрам здоровались. Он в сортире подолгу сидел, газетой шуршал и смеялся. Воду спустит и хохочет. Ученые – гад буду, все они авоськой стебанутые. По-моему, он, в комсомольском возрасте, тоже мою тетку ебал. В общем, устроился я в его лабораторию. По фамилии – Кимза, нацию не поймешь, но не еврей и не русский. Внешность вполне благородна, ничего себе – красюк, но какой-то, блядь, усталый, седоватый, хоть лет ему всего под тридцать шесть, похож на помесь Калинина со Шверником минус козлиная борода всего лица.

– Будешь носить реактивы и помогать ставить опыты. Захочешь – пойдешь учиться. Что скажешь?

– Нам татарам – одна хуй. Что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать.

– Твоего постоянного мата я больше не слышу.

– Всегда-пожалуйста, хотя мат сближает человека с судьбой его личного дела и личных вопросов других людей.

2

Неделю работаю. Таскаю хуйню всякую, склянки мою, язык солью какой-то обжег в обед, яйца всмятку хавая, ну и закономерно дрисстал дня два чем-то синим. Думал, соль поваренная, а она, падла, химической была. Бюллетень не брал однако. А то бы в очко миномет вставлять начали, как в лагере. Чернил пузырек я тогда, у опера, уделал, чтобы на этап северный не идти. Собственно говоря, работаю. Оборудую новую лабораторию. Микроскопов в ней с хуеву тучу, навалом приборов, моторов, реторт, змеевиков, реостатов и рубильников – я их с детдома уважаю. Были там и клетки с белым расизмом мышей, против чего боролся Мандела. Нас выгоняли на митинг, руки прочь от которого, но я сачканул, закосив резь в желудке от той же дристогонной химсоли. Вдруг мне надоело упираться, верней, остоебенило. Я даже пошалил. В буфете у начальника отдела кадров лопатник из «скулы» увел ради тренировки искусства своей профессии. Что тут началось! Взвод в штатском прикандехал на замаскированном броневике, из института никого не выпускают. Генеральный шмон, разве только в очко не заглядывают. А все из-за чего? Я с лопатником пошел в сортир отбомбиться, раскрыл, а в нем хуй ночевал – нет бабок. Только ксивы и пара доносов. один – на Кимзу. Науку совсем не туда саботажно направляет со стрелок истории нашей партии, на со-

брании не поет интернационал, не хлопает, голосуя приминал отвратительный вид вредителя народа, а также с ненавистью, жидовская морда, выключает всесоюзный голос Юрия Левитана, все опыты вышеуказанного экспоната направлены против человека, который звучит гордо, и поэтому косвенно расшатывает экономику.

Понял? Червонцем завоняло для Кимзы. Пятьдесят восьмой. Но я стукачей не люблю, более того, презираю этих глистопявок. Нет, теми доносами я не подтерся, а спустил их в унитаз. По ним, получалось, что весь институт – сплошной заговор осинового гнезда, а значит, я тоже состою в числе заговорщиков. Донос на Кимзу я из сортира вынес. Взятый лопатник мойкой расписал на части и тоже спустил в толчок канализации всей страны. Дверь кто-то дергает, орет и бушует. Я вышел. Застегивая ширинку, вежливо объяснил танцующему сотруднику, что химией обхавался и что дверь в сортир – не зуб мудрости, нехуй ее дергать, надеюсь, въехали?

– Смотрите, – говорю Кимзе, – ксива на вас.

Он прочитал, побледнел, поблагодарил меня, все понял – и хуяк бумажку в мощнейшую кислоту. Она у нас на глазах растворилась к ебени бабушке. Так вот гангстеры в Америке растворяют стукачей, хотя у нас нет свободной продажи подобной кислоты. Как что было бы, если б выбрасывали ее

на прилавок? Приводишь иного неумемно зловердного сексота, ии соседа-доносчика, допустим, на свалку. Там уже стоит полный чан самой царской серной кислоты, бросаешь туда крысеныша, посадившего уйму настоящих человекoв – все, пиздец – в природе больше нет еще одного настырного врага человечества. Вдруг меня дергают к начкадрами с помощниками. Я, сам понимаешь, в несознанке, так как не могу и не желаю иначе.

– Не такие, как вы, портные шили мне на Петровке дела, и то они по швам расползались в первую же примерку!

– Показания есть, что ты позади меня в очереди терся. Может, старое вспомнил?

– Ебал я все показания, кроме дружеских. Много ли там было бабок?

– Если речь о деньгах, то их совсем не было.

– Ну, тогда бы я на такое говно никогда не позарился. У меня не пальцы, а глаз-алмаз, как у Вольфа Мессинга, так как чувят, что в лопатнике: капуста или немудреная всякая ксивота.

Ну они там посмеялись. Отдохнули, видать, с моим про-

стым языком, а не со всякими «Да здравствует, блядь, всегда вперед, но если, как сказал Чехов, у врага народа все находится в прекрасном состоянии – и шнифты, и прическа, и шмутки, и душа – то его уничтожают к ебене фене». В общем, меня отпустили.

Назавтра говорю Кимзе, что работать больше не буду. Принципиально – я не рабочий, а артист своего дела. Я, говорю, на тахте люблю лежать и хавать книжки. Тут он как-то странно покнокал, то есть не просто так косяка он на меня давил, как это делает начальство, когда его начинает побывать какая-нибудь мудацкая идея. Потом начинает изда-лека насчет важности для всего человечества этой его молекулярной биологии, и что он начинает опыты, равных которым в истории не бывало нигде и никогда. Одним словом, эксперимент. И ему необходима моя работа, названная то ли благодарной, то ли благородной, во всяком случае, заебенно творческой. Но самое интересное, что она и не работа, а сплошное удовольствие, причем высокооплачиваемое. До такой насладительности тыщу лет ебаться надо всем остальным наслаждениям. Главное, как говорил Аристотель, не бздеть надо, пояснил Кимза, пердячим сероводородом, а отнестись к ней, к работе, по-мужски, без предрассудков и с далеко идущей мыслью о будущем человечества. Кимза – его речь я делаю для тебя понятней – чаще всего напирал то на грядущее, то на историю, потому что, говорит, та-

таро-монгольское иго зверски притормозило прогресс науки нашей родины лет на триста, ну и Европа, естественно, влупила нам, как ты выражаешься, шершавого – по самую носоглотку. Верней, нас она обогнала по всем предметам, пока мы, распиздяи курские, брянские, орловские и прочие, богатырские свои раззявив варежки, отсиживали свои жопы – зимой на печах, летом на деревьях – и пели, гондоны, широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Короче, всех нас русских, включая сюда дружбу народов, так исторически наебали, что лично тебе, Коля, выпадает масть отыграться – есть во весь! – за все такое международное блядство торможения научного прогресса родины Ивана Сусанина и Зои Космосодемьянской, Александра Матросова и артиста Николая Крючкова. Не все ли тебе равно, мудила, это Кимза увязывает героиню войны с космосом, или я?.. а раз все равно, то хули ты каждый раз выскакиваешь, как яйцо из ширинки.

– Слушай, сосед, не еби ты мне мозги, о чем речь-то? – говорю Кимзе.

– Ты должен стать донором.

– Кровь, что ли, сдавать, потом ее же и пропивать?..

– Нет, не кровь.

– Что же, – смеюсь, – если речь о говне или о ссаках, то я не кулак – всегда готов отдать таковое свое добро в копилку пятилетки нашей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.